Л. Ф. Фомина (Одесса)

РОЛЬ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО В РАЗВИТИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ АСТРОНИМИИ

Русская астронимика, исследующая диалектные и литературные названия астрономических объектов (астронимы), делает первые шаги. Особенно это касается литературной астронимии в ее древнейшем состоянии. Известно лишь одно исследование, примыкающее к этой области, — диссертация Г. С. Баранковой „Лексика русских списков „Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского", в которой, наряду с другими астрономическими терминами, рассматриваются названия знаков Зодиака и планет.

Астронимия произведений Иоанна Экзарха Болгарского, одного из древнейших славянских просветителей, составляет совокупность трех пластов проприальной лексики: названия планет, зодиакальных и некоторых незодиакальных созвездий.

Поэтому, как нам кажется, целесообразно исследовать всю астронимию, привлекая списки и других его произведений тем более что Иоанн Экзарх был первым славянским писателем, который сделал попытку славянизировать греческую систему космических наименований. Многие астрономические понятия, а вместе с ними и астронимы, были заимствованы славянами из греческого языка с переводами религиозно-учительной литературы, в частности из творений Иоанна Дамаскина.

Одним из способов передачи греческих астрономических названий была транслитерация с помощью только что созданной кирилловской азбуки.

Так переданы греческие наименования известных тогда планет Солнечной системы, названные в „Шестодневе": звѣздамн плавающнмн: то н ты раздѣлѣютъ на блг҃отворнвые. нвѣ же нако днѣевѫ звѣздѫ мѣнетъ. н афроднтнну. нще же н злотворнвые, аресвѫ звѣздѫ мѣнеще н кроновѫ тъчню же н рмовѕ нѣдннѫ. овщѵ мѣнетъ на обѣ странѣ[1]. (129d — 130a).

В „Богословии Иоанна Дамаскина" названо 7 планет: седмь бо планітъ рѣша. слъньце. лоуню. дню н рмню. арса. афроднтн. н крона[2].

Традиция транслитерирования греческих названий планет существовала в русском литературном языке вплоть до начала XVIII в. (уже с XVI в. сосуществуя с латинскими транслитерированными обозначениями), создавая византийско-южнославянское направление в русской астронимии. Эти названия многочисленны в памятниках русской письменности, многообразны их орфографические варианты, отражающие процесс адаптации грецизмов на русской почве.

Произведенные от теонимов, греческие названия планет не могли калькироватся, а усваивались русским языком, включаясь в словоизменительную и словообразовательную парадигмы (**дию, диєвоу** и др.).

Морфологическая адаптация греческих астронимов заключалась также в отбрасывании чужеродного окончания и, в случае основы на гласный, субституировании флексии с помощью фонемы и (j): **дии, ермии** и др.

Передачей греческого астронима является также название созвездия **аркъть**. ѥгда же. . . сл҃нце. . . назовомын аркъть пр҃ступивь. жетвьнын съвратъ твор҃нтъ. . . (Шестоднев, 121в). Греч. αρκτος „медведь", „медведица" легло в основу двух названий созвездий: Большая и Малая Медведица. В другом месте своего „Шестоднева" Иоанн Экзарх интересно этимологизирует термин **Аркътикъ**, произведенный от того жё Αρκτος „Большая Медведица", которое служило также для обозначения севера: вндмын пр҃сно кроугъ. его же и зовоутъ аркътикъ ѿ оутвръж/д/еныхъ звѣздъ на немъ медвѣдъныхъ (123с), где **Медвѣдъные звьзды** — не что иное, как созвездие большой Медведицы.

В переводах греческих произведений русские авторы и впоследствии употребляли термин аркть. Так, в переводе „Шестоднева" Василия Великого XVII в. Епифаний Славинецкий использует этот грецизм: **К самому Аркту отходяще слнце**. В более позднем издании 1665 г. к этому тексту допечатано **Медвѣдиць**[3].

Способ транслитерации использован Иоанном Экзархом при создании названий знаков Зодиака. Причем систему, предельно близкую к греческому источнику, обнаруживает „Шестоднев", т.к. в нем преобладают транслитерированные греческие названия созвездий Зодиака. Транслитерациями обозначены II объектов: **криосъ** и **кри а** (Овен), **еа ерь, таоуриенъ** (Телец), **дидимъ** (Близнецы), **каркинъ** (Рак), **пареенъ** (Дева); **зигъ, зеки анъ** (Весы); **скорпии, скорьпии** (Скорпион), **токософъ** (Стрелец); **егокера** (Козерог); **идрихои** (Водолей); **икоии** въ **иктоуахъ** (Рыбы).

Но инородность грецизмов в славянском тексте заставляет переводчика прибегнуть к созданию путем калькирования славянских терминов, глоссирующих иноязычные. Шесть славянских астронимов дополняют греческую систему названий знаков Зодиака.

Переведя „Богословие Иоанна Дамаскина" одно из классических произведений христианской патристики, Иоанн Экзарх как бы продолжает процесс введения славянских наименований. Здесь он создает 10 калек, удерживая только 4 грецизма (каркинъ, пареень, егокеръ, скрапи), причем последний — адаптированная форма безэквивалентной лексемы.

Развитие системы названий зодиакальных созвездий представляется как путь от простого заимствования к созданию собственно славянских наименований, поэтому, как кажется, становится возможным говорить о последовательности создания таких произведений, как „Шестоднев" и „Богословие".

Оставляя в стороне вопрос о форме грецизмов — названий созвездий в этих памятниках, обратимся к славянским калькам этих терминов и проследим историю их функционирования в русском литературном языке.

Славянская астронимия, описывающая Зодиак, представлена следующими словами: овьнъ (Шест., Богосл.), юньць (Шест., Богосл.), блнзньчьнникъ (Богосл.), ракъ (Шест.), лъвъ (Шест.), львъ (Богосл.), юнота (Богосл.), ѣрьмъ (Богосл.), стрѣльць (Богосл.), козорожецъ (Шест.), водълыан (Богосл.)., рыбы (Богосл.).

Среди этих лексем с достаточной четкостью выделяется три группы: 1. названия, стабилизировавшиеся в той форме, какую предложил первых их создатель Иоанн Экзарх Болгарский: 2. названия, имевшие длительную историю в русском литературном языке, но исчезнувшие из него; 3. окказионализмы, встретившиеся только в произведениях Иоанна Экзарха.

Первую группу астронимов составляют: **овьнъ, ракъ, львъ, стрьльць, рыбы**. Апеллятивы этих единиц ономастической лексики в полном объеме не представлены в древнеболгарских памятниках (кроме **львъ, рыба**[4] и **овьнъ**[5]). Однако учитывая ограниченный характер дошедшей до нас древнеболгарской лексики, состоящей в целом из малоупотребительных слов, можно утверждать, что все они были в старославянских протографах. В пользы отнесения этих лексем к древнеболгарской лексики говорят и следующие факторы: одновременное создание всей совокупности славянских названий знаков Зодиака, что предполагает использование лексики одного хронологического среза (кстати, о том же свидетельствует употребление этих астронимов в „Изборнике Святослава", 1073 г.); общеславянский характер апеллятива **ракъ**; мотивированность в старославянском языке слова стрѣльць глаголом стрѣлѧти и продуктивностью форманта — -ьць.

Следовательно, аппеллятивы **ракъ, стрѣльць** суть древнеболгарские слова, только не зафиксированные в сохранившихся старославянских памятниках, и вполне закономерно их появление в астронимии Иоанна Экзарха.

Названия созвездий Зодиака, относящиеся к первой группе, составляют не варьирующиеся в русском языке астронимы. Начиная с первой фиксации в „Изборнике" 1073 г. славянская форма этих обозначений не изменяется; вариантность составляет оппозицию: транслитерированное (греческое, а с XVI в. и латинское) — славянское слово, напр. **Каркинъ (Канцырь) — Ракъ**.

Лишь в ряду дублетов, обозначающих созвездие Овен, появляется в XVI—XVII вв. в качестве кальки лат. Aries астроним **Баранъ**. В западнославянских языках, где система названий знаков Зодиака складывалась под воздействием латинского языка, закрепилось наименование Baran, которое наблюдаем в некоторых русских переводах с польского языка и непосредственно с латинского. Например, Епифаний Славинецкий употребляет этот термин в переводе „Зерцала всея вселенныя" (XVII в.). Но более мощной и устойчивой пр., чем польское и латинское влияние, оказывается традиция в названии этого знака. В сборнике астрологических статей, хранящемся в Белорусской научной библиотеке им. В. И. Ленина под № 222, астроним овенъ употребляется 21 раз при двукратном употреблении названия боранъ[6].

И так, астроним ОВЄN стабилизируется к концу XVII в. именно в этой форме, восходящей к древнеболгарским, в частности Иоанновым, обозначениям.

Интересную группу составляют астрономические названия Иоанна Экзарха, достаточно долго функционировавшие в переводных и оригинальных русских сочинениях: юньць, ѣрьмь, козорожецъ.

Астроним **юньць** „молодой бык" (апеллятив зафиксирован в древнеболгарских памятниках)[7] оказывается особенно характерным для памятников второго южнославянского влияния XV в. Этот южнославянский астроним предстает в русифицированном виде **во нци** в памятнике „Сильвестра и Антония вопросы и ответы", старшие списки которого относятся в XV в.[8] и

который в цитируемой редакции 1512 г. сохраняет ясные следы древнеболгарского происхождения[9]. В XVI в. усиливается в астронимии название **Телець**, впервые отмеченное в „Изборнике“ 1073 г., сосуществуя с термином **Юнець**, характерным для византийско-южнославянской линии в астронимии. Поучительную вариацию на эту тему дает одна переводная астрологическая статья XVII в.: „Вторый мѣсяцъ апрьль, нареченный ьнецъ, сирѣчь телецъ“[10].

Для этого времени астроним **Юнецъ** уже требует пояснения и этим пояснением становится название **Телецъ**.

В XVI—XVII вв. астроним **Телецъ** употребляется в литературе латинско-польской традиции, восходящей в конечном счете к лат. Taurus „бык“. Вероятно, прозрачная этимология названия **юнець** перестает удовлетворять переводчиков и создателей оригинальных астрологических сочинений. Наименование **телець** лишено этого недостатка (для астронима) и также является древним славянским словом.

Процесс окончательной стабилизации названий знаков Зодиака произошел в XVIII веке, когда старославянизмы, как книжные слова, легко утверждались в различных терминологических системах[11].

Астроним ѣрьмь, древнейшее обозначение созвездия Весы, создан Иоаннам Экзархом вследствие омонимичности греч. ζυγός: 1. ярмо; 2. весы. Ошибочно было значение „ярмо“, что определило осмысление астронима. Это же обоцначение содержится в „Изборнике Святослава“ 1073, и это может говорит о взаимосвязи и взаимовлиянии между переводчиками.

В памятниках XV — XVI вв. преобладает именно этот термин, хотя попытки правильно передать семантику греч. названия появляются еще в литературе второго южнославянского влияние. Так, в рукописи „Сильвестра и Антония вопросы и ответы“ знак Весы терминирован церковнославянизмом во прѣвѣсѣхъ[12]. То же обозначение в списке „Шестовнева“ XVII в.[13] Аналигичен по семантическому наполнению термин мѣрнѧ, использованный переводчиками „Богословия Дамаскина“ Курбским и Оболенским в XVI в.

Астрономические название **Весы** появилось перевоначально в западнорусской литературе XVI в. под влиянием польского языка, в котором астронимия складывалась на основе научной латыни. Поляки калькировали лат. Libra, лишенное греческой омонимичности, словом Waga. В цитированном уже сборнике БНБ XVI в. синонимический ряд (понятийные дублеты) названий созвездия Весы составляют: **Вакга, Либра, Яремь** и **Веси**.[14] В XVII в. почти повсеместно в памятниках употребляется лексема **Весы**; рудиментарное название **яремъ** еще появляется на страницах рукописей и XVIII века („Звездочтец“;[15] „Астрология“[16]).

Созвездие Козерог обозначено в „Шестодневе“ словом **козорожецъ**. Лексема эта, при наличии в старославянских памятниках корневой морфемы **коза** и уменьшительного **рожьць**, вполне могла быть создана самим Иоанном Экзархом (***козорожьць**). Эта же мысль подтверждается повторением названия в списке „Шестоднева“ XV в.: егокера еже речетсѧ козорожець[17].

По мнению исследователя русских списков „Шестоднева“ Г. С. Баранковой, лексика, не варьирующаяся в списках, „с большой долей вероятности может быть отнесена к протографу Иоанна Экзарха и, следовательно, ее можно рассматривать как словарный материал времени создания памятника (X в.)“[18].

Астроним **Козорожец** фиксируется и в памятнике „Сильвестра и Антония вопросы и ответы“ по списку 1512 г[19].

Кроме литературы южнославянского направления, название **Козорожец** (**Козерожец** с интерфиксом **е** как отражение лексикализации

частотного в XVI в. названия **Козей рогъ**) появляется в XVII в. в литературе западнорусской: начала барана и козорожца глаголются солнце стояние[20]. Время от времени этот термин продолжает появляться и в начале XVIII в. (в статье „О сѣченіи древа" Календаря на лѣто 1710 (М., 1709)[21]; в переводе книги Гюбнера „Земноводного круга краткое описание" (М., 1719, с. 417).

Вероятно, астроним Козорожец (Козерожец) обрел вторую жизнь в русском литературном языке под влиянием польского астронима Koziorożec, который, возможно, восходит к древнеболгарскому.

Третью группу астронимов составлают: **юнота, водулѣѧи, близньчьникъ**, которые в истории русской астронимии нигде, кроме произведений Иоанна Эксарха, не встречаются.

Собственное имя **юнота** в значении „знак Девы" соотносится с апеллятивом — древнеболгарским словом юноты, имевшим собирательное значение „молодежь"[22]. В древнерусском языке слово **оунота** было существительным общего рода и конкретизировалось в значениях „юноша" и „девушка", „девица"[23]. Примечательно, что в старшем списке „Богословия Иоанна Дамаскина" рядом с астронимом **юнота** стоит греч. **парѳєнъ** и служит для сужения и конкретизации семантики славянского обозначения. Такая парная славяно-греческая номинация — единственный случай в астронимии этого памятника, в котором приведены названия либо греческие, либо славянские.

По всей вероятности, слово **юноты** в древнеболгарском языке имело также и то значение, что и в древнерусском языке. Во всяком случае, церковнославянский астроним **юнота** такую вероятность подтверждает. Грамматическая форма единственного числа может быть влиянием русского языка в церковнославянском тексте.

Астроним **водулѣѧи** (орфографически — русизм) отражает формирование в древнеболгарском языке нового типа композит — сложных глаголов с причастием во втором компоненте (продуктивный тип для древнеболгарского языка).

Но это образование содержит в качестве первого элемента винительный падеж существительного с флексией **-у** вместе соединительного гласного и поэтому может быть трактовано также и как словосочетание. Так или иначе, лексему **водулѣѧи (*водоулѣѧи)** реально предположить как древнеболгарскую, созданную древним переводчиком творения Иоанна Дамаскина, хотя она и не зафиксирована в старославянских памятниках.

Название созвездия Близнецы **близньчьникъ** также создается Иоанном Экзархом по продуктивной модели „для СЯ характерно увеличение объема слова. . . , наблюдается наращивание новых продуктивных формантов того же значения, перестававшие. . . быть живыми словообразующими морфемами"[24].

Суффикс — **ьникъ** является в этом деривате избыточным, но, учитывая его высокую продуктивность в древнеболгарском языке, появление его в существительном со значением лица можно считать оправданным.

Анализ астронимов — названий созвездий Зодиака церковно-славянских списков „Шестоднева" и „Богословия" показывают, что они отражают процессы, происходившие в древнеболгарском языке, а на космическую лексику „Богословия" наложил отпечаток и древнерусский язык.

Самым замечательным явлением астронимии Иоанна Экзарха следует назвать то, что он, не ограничиваясь транслитерированием и калькированием греческих названий, вводит собственно славянские народные астронимы, отражающие древнейший пласт этой ономастической лексики. В

„Шестодневе“ читаем: бъ̀ имена полагаютъ свѣтилоумъ. ꙗко же се денница. или прѣходница. власе желищи кроужилиꙗ (263). В „БОГОСЛОВИИ“; афродитъ же глютъ иже овъгда дньница, овогда заходьниꙗ (с. рке). Наименование Венеры **денницей** исследователи относят к праславянской лексике[25] — *dьnьnica, которое сохранилось в современном сербском языке (**дàница**) и представлено в древнерусских текстах как лексемой, так и фразеологизмом (**преже дьньницѧ**[26]). Частотность этой лексемы в церковнославянских памятниках, где она выступает как соответствие греческого φωσφόρος может свидетельствовать о принадлежности к словарному составу древнеболгарского языка.

Семантическая основа этого названия ясна: ярчайшая из планет, Венера предвещает восход солнца, наступление дня. Венера раньше других светил загорается на небосводе после захода солнца, отсюда другое ее наименование — **заходьниꙗ**. Эта ее способность переходить по небу от утра к вечеру отмечена в названии **прѣходница**.

В греческом протографе цитируемому месту „Шестоднева“ соответствуют названия τὸν ἕσπερον, τὸν φοσφόρον[27], которые этимологизируются как „вечер“ и „несущий свет“.

Таким образом, в тексте „Шестоднева“ перед нами не кальки, а именно славянские наименование со своими основаниями для номинации, типологически близкими к греческим.

Комментаторы древних рукописей А. Горский и К. Невоструев, приводя славянский ряд астрономических названий в „Шестодневе“, замечают: „Наименование звезд. . . не вполне соответствуют числу и порядку наименований греческих: τὴν ἄρκτον, τὸν ὡριώνα, τὴν πλειάδα, τον ἕσπερον, τον φωσφόρον“[28].

Однако если предположить, что наименование **власе желищи** обозначает два астрономических объекта (**власе** — название звездной группы Плеяд, **желищи** — созвездие Большой Медведицы), то и количество, и состав греческих астронимов будут переданы правильно.

Примечательно, что Р. Айтцетмюллер в своем переиздании „Шестоднева“ записывает эти слова раздельно: **власе желище.**

Наименование **власе** (гипотетически и древнеболгарском тексте ***власи**) являлось, по-видимому, оригинальным славянским названием Плеяд, и его следы можно найти в славянских языках: болг. **Власи**[29]. Сюда же по семантике относятся и русск. **Волосыни, Волосянка**.

В. В. Иванов, В. Н. Топоров связывают эти обозначения с наименованием славянского „скотьего бога“ Волоса (Велеса)[30], М. Фасмер не исключает связи названий с элементом **Волос** — со значением „волосы“[31].

Для наименования **желищи** предлагается следующая реконструкция внутренней формы. Слово это составляет производную основу, членимую на 2 морфемы: корень ж е л - и суффикс -и щ. В Супрасльском сборнике отмечено слово ж е л я[32] „плач“, „жалоба“, восходящее к **жаль** с другой ступенью чередовния. Многочисленные примеры употребления этого слова в древнерусском языке приведены в „Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“.[33] „Жля“, „желя“, судя по переводам Библии и Флавия, не только печаль, но и „вопльствие“, обычай и обряд оплакивания умерших“[34].

Формант -ище служил в общеславянском и древнеболгарском языках по преимуществу для образования слов с пространственным значением[35]. Таким образом, можно предположить, что **желище** — „место жалобы, плача“.

В лингвистической литературе известно лишь одно астрономическое название с подобной семантикой: в древнееврейской и арабской астронимии четырехугольник Большой Медведицы назывался **Гробом, Ракой**[36], а под тремя звездами хвоста подразумевались **Плакальщицы**[37].

Наименование **желищи** „Большая Медведица" попало к Йоанну Экзарху, вероятно, из перевода Библии (Книга Иова IX, 9; XXXVIII, 32), где оно было эквивалентом европейского астронима с указанной семантикой **Аш** или **Аиш**, переведенного в Вульгате греческим термином Arcĭurus[38].

Быстрая деэтимологизация названия **желище**, его семантическая чужеродность на славянской почве как астронима приводят к слиянию лексем **власи** и **желище** в одну, приобретшую значение „Плеяды". В дошедших до нас списках Книги Иова и „Шестоднева" наименование **власежелищи** функционирует нерасчлененно; уже и в списке „Шестовнева" 1263 г. оно больше напоминает композит, чем разные астронимы.

Астрономическое название **кроужилиѥ** соответствует в греческом тексте названия τον ὠριώνα. Оно является семантическим эквивалентом, однако, другого греческого астронима — наименования трех ярких звезд этого созвездия Ζώνη „пояс" (например, у Аристотеля[39]), которое и сейчас известно как Пояс Ориона.

Многие народы давали отдельное наименование трем звездам Пояса Ориона. Так было и у древних греков и эта идея отражена в том, что в „Шестодневе" обозначено не все созвездие, а лишь его центральная часть.

Анализ астронимии в произведениях Иоанна Экзарха и судеб отдельных названий позволяет сделать следующие выводы.

Астронимия Иоанна Экзарха сыграла решающую роль в начальный период формирования книжной южнославянской системы космических названий. Литературные контакты южных славян с восточными и влияние древнеболгарского языка на древнерусский привели к проникновению этих терминов в древнерусский язык. Творения Иоанна Экзарха переписывались и впоследствии в Древней Руси, в результате чего астронимы закреплялись, создавая греко-южнославянское направление в русской астронимии.

Многие из названий, предложенных Иоанном Экзархом, прочно вошли в русскую астронимию. Вплоть до начала XVIII в. продержались такие наименования, как **Ярем** и **Юнец**.

В значительной мере благодаря творениям Иоанна Экзарха до нас дошли древнейшие славянские названия астрономических объектов **денница, власи**.

Иоанн Экзарх Болгарский одним из первых создал образцы южнославянской литературной астронимии и поэтому нельзя себе представить ономастику без изучения этого древнейшего пласта проприальной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Aitzetmüller, R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. IV, 1966, Graz (страницы указываем в скобках).

[2] Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского. ЧОИДР, М., 1877, кн. 4, с. рке.

[3] Карпенко, Ю. О. Велика Ведмедиця. — Мовознавство, № 2, 1972, с. 60.

[4] Цейтлин, Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977, с. 34, 50.

[5] Sadnik, L., Aitzetmüller, R. Handwörterbuch zu den Altkircheslavischen Texten, Heidelberg, 1955, s. 83.

[6] Мощенская, Л. Г. Названия звезд и созвездий в старобелорусском языке XVI в. — Беларусская лексікалогія і этымалогія. Мінск, 1968, с. 110.

[7] Селищев, А. М. Старославянский язык. Ч. 2, М., 1952, с. 50.
[8] Соболевский, А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. Спб., с. 22.
[9] Горский, А., К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II, М., 1857, с. 149.
[10] Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси в XIV—XVII вв. Библиографические материалы. Спб., 1903, с. 138.
[11] Лотман, Ю., Б. Успенский. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. „Происшествие в царстве теней или Судьбина российского языка" — неизвестное сочинение Семена Боброва. — Ученые записки Тартуского университета. XXIV, Тарту, 1975, с. 201.
[12] Горский А., К. Невоструев. Указ. раб., с. 149.
[13] Баранкова, Г. С. Астрономическая и географическая терминология в „Шестодневе" Иоанна Экзарха Болгарского. — Памятники русского языка. Исследования и публикации, М., 1979, с. 154.
[14] Мощенская, Л. Г. Указ. раб., с. 112.
[15] Тихонравов, Н. Памятники отреченной русской литературы, Т. 2, 1863, с. 423.
[16] Перетц, В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды, Т. 2, Спб., 1901, с. 37.
[17] Баранкова, Г. С. Указ. раб., с. 154.
[18] Баранкова, Г. С. Лексика русских списков „Шестоднева" Иоанна Экзарха Болгарского, АКД, М., 1977, с. 19.
[19] Горский, А., К. Невоструев. Указ. раб. с. 149.
[20] Славинецкий, Е. Зерцало всея вселенныя. Рукопись ГПБ. Q. XVII. 6, л. 17.
[21] Перетц, В. Н. Указ. раб., Т. 2, с. 122.
[22] Цейтлин, Р. М. Указ. раб., 127—128.
[23] Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, Т. 3, стб. 1231.
[24] Цейтлин, Р. М. Указ. раб., с. 286.
[25] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 5, М., 1978, с. 214.
[26] Срезневский, И. И. I, с. 772.
[27] Aitzetmüller, R. Указ. раб., с. 468.
[28] Горский, А., К. Невоструев. Указ. раб., с. 15.
[29] Рут, М. Э. Русская народная астронимия и ее связи с астронимией других народов СССР, АКД, Томск, 1975, с. 17.
[30] Иванов, В. В., В. Н. Топоров. Исследование в области славянских древностей. М., 1974, с. 49.
[31] Фасмер, М. Указ. раб., Т. I, с. 343.
[32] Sadnik L., Aitzetmüller R. Указ. раб., с. 168.
[33] Словарь-справочник „Слово о полку Игореве", вып. 2, Ленинград, 1967, 87-89.
[34] Орлов, А. С. „Слово о полку Игореве". М.-Л., 1946, с. 113.
[35] Мейе, А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 293.
[36] Allen, R. Star Names. New York, 1963, 422.
[37] Богданович, П. История о математике. Ч. 2, кн. 1 — Академические известия, 1780, июль, с. 249.
[38] Allen, R. Указ. раб., с. 422.
[39] Там же, с. 315.